

*ИСТОРИЯ ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ /
BOTH ANCIENT AND MODERN HISTORY*

Серия «Политология. Религиоведение»

2010. № 1 (4). С. 87–96

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 339.543

**Иркутская таможня и проблемы ее функционирования
во второй половине XIX в.**

В. В. Синиченко

Восточно-Сибирский институт МВД, г. Иркутск

А. И. Коробченко

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

В статье освещается вопрос становления Иркутской таможни с 1861 г. Рассматриваются проблемы ее функционирования, в том числе такие, как неправомерное вмешательство кяхтинского градоначальника в дела не подчиненной ему Иркутской таможни, а также конфликт между чиновниками таможни и казаками отряда таможенной линии, не выполнявшими свои прямые обязанности по таможенной службе.

Ключевые слова: таможенная линия, застава, досмотр, контрабандный товар, конфликт, казаки, устав.

В 1861 г. в истории российской таможни на дальневосточных окраинах империи произошло важное событие. В связи с введением режима «порто-франко» в Приморье и 50-верстной полосе русско-китайской границы, таможня была перенесена из пограничного города Кяхта за пределы таможенной линии в столицу Восточно-Сибирского генерал-губернаторства г. Иркутск.

Как сообщал 8 октября 1861 г. кяхтинский градоначальник Деспот-Зенович исправляющему дела генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Карсакову: «30 сентября в 12 часов ночи Кяхтинская таможня окончив все свои распоряжения по переводу таможни в Иркутск прекратила свои действия и вместе с тем одновременно мною были сняты все таможенные посты и заставы – и открыты временная Комиссия и временное Казначейство» [1].

Ликвидационная комиссия кяхтинской таможни работала на протяжении года, и в период ее действия периодически возникали вопросы: имеет ли право кяхтинский градоначальник по прежнему осуществлять таможенные действия, до каких пунктов беспошлинно ввозятся китайские товары, по какому тарифу облагаются пошлиной поступающие за пределы действия «порто-франко» товары европейского происхождения и пр. Одним словом, кяхтин-

ский градоначальник некоторое время оставался активным участником таможенной политики России в регионе.

Так, 2 ноября 1861 г. кяхтинский градоначальник писал М. С. Карсакову: «На предписание Вашего Высокопревосходительства от 28 октября № 1826, имею честь донести, что я со своей стороны не нахожу ни надобности, ни основания устанавливать какие либо ограничения или особые правила относительно розничной торговли в Кяхтинском градоначальничестве. С 1-го октября продажа чая производится свободно. Существующими узаконениями (254, 307, 349 ст. и прил. к ним Устава Торгового, т. 11) положительно дозволена свободная розничная продажа чая и, кроме того, по Пекинскому договору 2 ноября 1860 г. китайским подданным разрешено производить у нас торговлю без всяких стеснений и ограничений» [2].

Безусловно, такая благоприятная для китайских предпринимателей позиция кяхтинского градоначальника беспокоила местных торговцев. Поэтому русские торговцы, уплатившие гильдейскую пошлину, просили или освободить их от ее уплаты, или ограничить деятельность китайцев, начавших вести торговые операции в российском приграничье.

Однако эта инициатива на первых порах была отклонена. По мнению кяхтинского градоначальника, «...поскольку китайцы оживили торговлю и сбили цены, что порадовало потребителей Троицкосавска, Кяхты и Забайкальского края, нет смысла жертвовать интересами беднейшего и трудолюбивого населения здешнего в пользу немногих лиц, подписавших докладную записку».

По мнению местного чиновника, в случае принятия охранительных мер китайцы перестанут привозить в Россию не только чай, но и овощи, что вызовет большое недовольство горожан.

Кяхтинский градоначальник подчеркивал: «Запрещать китайцам мелочную и развозную торговлю в Троицкосавске на том основании, что русские не производят таковой в Маймачене, можно было бы тогда, если бы со стороны местного китайского начальства подобная торговля была бы запрещена, да и то в том случае если бы эти репрессии не уничтожили выгоды от торговли» [3].

Отметим, что новая таможенная линия, которая с 1861 г. «защищала» интересы российских купцов, начиналась от селения Листвиничного (ныне – пос. Листвянка. – *Примеч. авт.*), там находилась застава и проходила оттуда по Замарацкому тракту до Иркутска [4].

Как отмечалось в письме министра финансов генерал-губернатору Восточной Сибири, правительство Российской империи решило в 1861 г. «не предоставляя Иркутску, порто-франко разрешить пропуск (в собственно г. Иркутск) беспошлинно по Азиатской торговле все вообще китайские товары, за исключением чая, который должен быть оплачиваем пошлиной, хлебных вин и водок. Постановить, чтобы в случае привоза европейских и колониальных товаров, доставленных в порты Приморской области Восточной Сибири и Амурской области, иркутская таможня руководствовалась общим с европейским торговым тарифом. Предоставить генерал-губернатору Восточ-

ной Сибири, чтобы в пунктах производства пограничного торго не было пропуска через границу снарядов, оружия, пороха» [5].

Участие многих лиц в деле охраны границы – генерал-губернатора, начальника таможи, кяхтинского градоначальника – породило межведомственный конфликт.

В письме министра финансов генерал-губернатору Восточной Сибири от 13 декабря 1861 г. говорилось о неправомерном вмешательстве кяхтинского градоначальника в дела не подчиненной ему Иркутской таможи.

Отмечалось, что начальник таможенного округа, как лицо, состоявшее в ведомстве Министерства финансов, не подотчетен МВД, а наблюдение за прохождением товаров через Иркутскую таможню, даже визированных градоначальником, необходимо потому, что, во-первых, некоторые из русских товаров остаются до сих пор запрещенными к вывозу, и их необходимо задерживать, а, во-вторых, в числе иностранных товаров могут быть тайно привезенные чрез европейскую границу, не имеющие на себе пломб выпускных таможен [6].

Но не только временное противостояние с кяхтинским градоначальником беспокоило таможенное управление. В начале 60-х гг. XIX в. начальнику иркутского таможенного округа было необходимо определить структуру таможенных подразделений.

В этой ситуации на него активное влияние оказывали другие региональные властные структуры. Так, иркутский губернатор 5 мая 1862 г. сообщал председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири, что пост в селе Голоустном бесполезен, так как проезд для казаков туда затруднителен, а контрабанда через село не идет. Поэтому, отмечал губернатор, «...сотник Головин испрашивает моего разрешения на перемещение казаков на летнее время в станицу Кузьминскую и селение Пивоварское, а часть в город Иркутск, для разъездов в его окрестностях, так как во время навигации и судоходства по Ангаре в этих местах легко могут быть выгрузки и нагрузки контрабандных товаров на частные суда» [7].

Признавая справедливым это заключение, начальник таможенного округа приказал разрешить ему переместить казаков с поста Голоустного и Мотского в станицу Кузьминскую, село Пивоварское, а часть казаков содержать в Иркутске для разъездов в его окрестностях [8].

Вообще проблема борьбы с контрабандой стала основной в деятельности Иркутской таможни в 70–90-х гг. XIX в.

В середине 70-х гг. XIX в. в зимнее время, когда начиналась транспортировка товаров через Байкал по льду, контрабанда шла следующим путем: во-первых, в незначительном количестве в обход Куретского поста, по Ангинской пади, а, во-вторых, в значительном количестве по зимнему пути от улуса Чарми через деревню Бириульки на село Качугское на Якутском тракте. По секретным сведениям, эта контрабанда шла преимущественно во время действия Верхнеудинской (Улан-Удэ) ярмарки, когда из Верхнеудинска приходили в Иркутскую губернию обозы с различными русскими товарами и в этих обозах привозились и контрабандные чаи [9].

За первым из означенных путей Куретскому посту было легко наблюдать, если постовые были достаточно бдительными.

Что же касается второго пути, то, по отдаленности его от Куретского поста, наблюдение за ним со стороны таможенных служб было затруднено [10].

Стремясь противостоять контрабанде из Забайкалья, директор Департамента таможенных сборов на основании п. 5 ст. 2 Таможенного устава ежегодно назначал начальнику таможенного округа кредит на секретные расходы на преследование контрабанды. Так, на 1883 г. было ассигновано 180 руб.

Во время ассигнования директор Департамента просил главу Иркутской таможни сообщить о том, «насколько делаемое ежегодно в одном и том же размере ассигнование этих средств представлялось целесообразным и соответствующим действительной потребности в них». Начальник таможенного округа обязывался по истечении каждого года доставлять в Петербург сведения «о том, насколько ассигнуемая сумма представляется достаточной, и в случае признания необходимости ее увеличения, те данные, которые приводят к такому заключению» [11].

На следующий 1884 г. директор Департамента просил сообщать о случаях контрабанды и видах их транспортировки – «...в карете, в дровах, которые перевозятся в вагонах поездов, по весу перевозимых в поездах товаров, по нарушению пломб и подделке таможенных пломб» [12].

Региональные власти сообщали в центр результаты своего розыска контрабанды. Так, в 1885 г. они докладывали: «Имеются частные сведения, что из Кяхты в Тункинский край проложен ныне через селение Гужир несуществовавший, будто бы прежде, по речке Дзунмурин зимний путь, по которому провозится контрабанда и что по этому пути в начале будущего февраля предполагается привезти партию чая в Тунку» [13].

Вследствие этой информации была отправлена группа таможенников в селение Гужир с целью задержания контрабанды.

5 февраля 1885 г. надзиратель Кяхтинской таможенной заставы доносил о результатах этой экспедиции управляющему Иркутской таможней: «По получению предписания направился в Гужир, взяв с собой казака. Выяснил, что по реке Дзунмурин существует зимний путь, по которому в зимнее время отправлялась большая партия контрабандных товаров в Маймачен. На наши кредитные билеты обменивался черный чай и китайское ямбовое серебро» [14].

«Получив эти сведения и пробыв в Гужире с 2 по 3 февраля и узнав, что контрабандисты еще не отправились за контрабандой по случаю бурятского праздника “белой лошади”, я отправился обратно в Култук, чтобы не подать повода в подозрении. Когда же получу сведения о ввозе контрабанды вторично въеду в Гужир, за местных стражников не могу ручаться, так как они соучастники контрабанды» [15].

Действительно, соучастие лиц, привлеченных к таможенной службе, в контрабандных операциях, или их преступное бездействие при исполнении служебных обязанностей с самого начала беспокоили таможенные власти. Особое порицание вызывало у таможенников поведение казачьего отряда, привлекаемого для охраны таможенной линии.

Так, еще 12 сентября 1872 г. управляющий Иркутской таможенной доносил председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибирью, что таможенная линия от вторжения охраняется 42 казаками. Однако казаки не утруждают себя ни ознакомиться с местностью, которую охраняют, ни с требованиями таможенной службы. Десятилетний опыт существования охраны казачьей стражи на линии, по мнению таможенника, служит ясным тому доказательством, так как в течение этого времени не было ни одного случая открытия, задержания и преследования контрабанды. Между тем ввоз контрабандных товаров в черту таможенной линии существовал, и в 1871 г. командированные таможенные чиновники задержали только на Куретском посту 28 пудов чая.

В связи с этим начальник таможенного округа предлагал привлечь к наблюдению за таможенной линией земских исправников и старшин волостей, которых можно было бы вознаграждать за поимку контрабандного товара, после его реализации через аукцион [16].

Столкновение чинов Военного министерства и Министерства финансов (таможни) в конце 90-х гг. XIX в. приобретает форму своеобразной «ведомственной войны». Так, 28 июля 1896 г. в селе Листвиничном канцелярским служащим Иркутской таможни Семирадским, досмотрщиком Куреевым, рядовым инвалидной команды Глызиным при понятых мещанке Татьяне Михайловой, крестьянке Анне Худяковой был составлен протокол о задержании багажа. Багаж принадлежал подполковнику Ухач-Огоровичу, который и пытался в нарушение ст. 879 Таможенного устава провезти свой груз без досмотра [17].

При расследовании дела оказалось, что подполковник Ухач-Огорович был приписан к Генеральному штабу, и поэтому по «служебному положению» не мог быть остановлен таможенными службами для обыска. Поэтому дело свелось к переписке ведомств, в которой высшие чины пытались оправдать действия своих сотрудников [18].

Апофеозом этого противостояния стал вопрос о привлечении казаков к таможенной службе.

7 октября 1896 г. из штаба Иркутского военного округа командиру отряда казаков Иркутской таможенной линии было послано предписание, в котором говорилось: «На основании п. 9 Инструкции начальнику отряда казаков, охраняющих Иркутскую таможенную линию, предписано задержание тайно привозимых товаров и чаев на самой черте таможенной, а на основании п. 7 той же Инструкции, в случае открытия следов проезда контрабандистов через таможенную черту, казаки, преследуя до первого селения, объявляют о следах старшим селения и требуют открытия по оным контрабандистов и предъявления товаров и тот час доносят о том Командиру, между тем как из представления Управляющего Иркутской таможней Иркутскому генерал-губернатору от 18 сентября за № 4463 и приложенного к оному распоряжения Вашего Благородия от 13 сентября за № 298 усматривается, что вопреки вышеупомянутой Инструкции и п. 1588 Таможенного устава, на основании которой выемки и обыски тайно привезенных товаров проводятся чинами та-

можни, вместе с чином полиции, урядник отряда Сринев и казак Конюшкин 2 сентября совершенно самостоятельно произвели обыск частного помещения – караулки при гавани в селе Листвиничном и сделали там выемку одного места контрабандного чая, который затем предоставили в Листвиничную заставу.

По докладу его высокопревосходительство изволило признать Ваше благородие виновным в недостаточном ознакомлении подчиненных Вам нижних чинов с их обязанностями по таможенной службе и в неуместной переписке с управляющим Иркутской таможенной [19].

Таким образом, командир отряда из-за жалобы таможенников получил выговор.

Но на этом инцидент между таможенниками и казачьим командиром не был исчерпан.

5 ноября 1896 г. управляющий Иркутской таможенной доносил директору Департамента таможенных сборов: «В ст. 1355 т. 6 Устава таможенного сказано: "Казачий отряд по хозяйственной и строевой части состоит в непосредственной зависимости от военного начальства, а в отправлении таможенной службы чины сего отряда подчиняются местному таможенному начальству, в распоряжении которого находятся". По делам до отряда касающегося, надзиратели застав сносятся непосредственно с начальником отряда, а Иркутская таможенная в потребных случаях входит с представлением к генерал-губернатору.

Статью эту как я, так и все мои предшественники, понимали таким образом, что под названием местное таможенное начальство признавали кроме Иркутской таможенной надзирателей застав и заведующих постами, почему в инструкциях, данных надзирателям и заведующим постами еще в 1869 г. между прочим, говорится в п. 2: надзиратель заставы есть лицо начальствующее на заставе, одному ему принадлежит право делать распоряжения на заставе. Надзиратель согласно п. 5 обязан всеми имеющимися у него средствами препятствовать контрабанде, используя для этого находящиеся на заставе казаков, которые обязаны делать как днем, так и ночью разъезды. Для цели означенной надзиратель назначает в каждодневное дежурство на заставе одного досмотрщика и для разъездов половину находящихся на заставе казаков, занося эти назначения в особую книгу. Другая же половина казаков и находящиеся в распоряжении заставы команда инвалидов употребляются в случае надобности, для срочного преследования контрабандистов».

«Казачи, – с негодованием сообщает таможенник, – вообще представляют из себя весьма не завидную стражу границы. Ежегодная их смена в целом составе отряда одновременно и при том в январе-месяце, когда устанавливаются дороги по льду Байкала, и требуется особая бдительность отряда, и знание им местности, сильно развитое между ними пьянство и нерадивость их офицеров, всегда заставляли меня и всех моих предшественников ими тяготиться. Но смена текущего года выдается из ряда вон, начиная с офицера, который вовсе таможенной службой не занимается, и кончая последним казаком, из которых против троих я вынужден был возбудить судебное преследо-

вание. Казачий офицер сотник Каргополов не признает своего и командиремых им казаков подчинения надзирателю заставы и между прочим под предлогом поправления денежных дел казаков заставил их рубить в лесу и вывозить на своих лошадях на продажу дрова, чем они по произведенному дознанию и занимались февраль и март месяцы, вместо того, чтобы нести таможенную службу.

Находя, что, во всяком случае, казаки командируются в распоряжение таможи не для поправления своих денежных дел, к тому же за службу свою получают от Таможенного ведомства достаточное содержание, я обратился с жалобой на сотника Каргополова за употребление казаков на рубку дров вместо таможенной службы к начальнику штаба Иркутского военного округа генералу Шебанову и просил его, сотника Каргополова, как несоответствующего таможенной службе, заменить другим, более исправным офицером, но генерал Шебанов, несмотря на все мои доводы, признал, что сотник Каргополов имел право дозволить казакам рубку дров, в то время как на Байкале еще не начался мореход, и заменить его отказал.

Затем к генералу Шебанову поступила от сотника Каргополова жалоба на надзирателя Лиственничной заставы надворного советника Роговского, в которой сотник доносит, что Роговской внушает казакам, что прямой их начальник он, Роговской, а не заведующий отрядом офицер, каковое внушение, по мнению генерала Шебанова, не согласно с законом и колеблет установленные в военном ведомстве порядки службы.

Из объяснения надворного советника Роговского видно, что он вынужден был читать казакам ст. 1355 т. 6 (Таможенного устава) потому, что сотник Каргополов при нем объяснял им, что они ему, Роговскому, не подчинены вовсе и отказался на том же основании наложить по требованию Роговского взыскание на казака Александрова, дерзко относившегося к Роговскому и не исполнившего его приказа. Препроводив в штаб Иркутского военного округа объяснение, я высказал генералу Шебанову, что читая казакам ст. 1355 т. 6, Роговской не колебал установленных в военном ведомстве порядков и дисциплины, так как статья эта ясно указывает, в каком отношении казаки подчинены ему и в каком сотнику Каргополову.

На это сообщение генерал Шебанов в отношении от 5 августа за № 6802 мне пишет: «С изложенным в отношении Вашего Превосходительства от 5 июля № 3366 взглядом на право чиновников таможенных застав самостоятельно распоряжаться казаками отряда таможенной линии я не могу согласиться по следующим соображениям: по основному положению о казаках Иркутской и Енисейской губерний (п. 5–7) казаки, выходя на действительную службу, как в военном, так и постороннем ведомствах, поступают в ведение Военного министерства, входят в состав местных войск и подчиняются военному начальству наравне с прочими частями войск. Это общее указание подтверждается и ст. 1355 Таможенного устава, устанавливающей, что только в отправлении таможенной службы чины казачьего отряда подчиняются местному таможенному начальству, причем в примечании к статье указано, что обязанности казачьего отряда должны быть определены особой инструк-

цией, составленной по соглашению министра финансов с генерал-губернатором Иркутским и Приамурским. Означенная инструкция издана, и в ней между прочим указано, что командир отряда самостоятельно распоряжается действиями своих подчиненных, наблюдает за ними и взыскивает за всякое действие могущее причинить ущерб казне или вред службе.

Таким образом, приведенная инструкция положительно разъясняет подчиненность казачьего отряда таможенному начальству в том только отношении, что командир отряда получает от начальника таможни общие указания по охране таможенной линии, а затем самостоятельно распоряжается по службе отряда, не допуская никакого вмешательства со стороны. Начальником, могущим выдавать такие распоряжения, является только директор таможни» [20].

На основании этого генерал Шебанов просит не вмешиваться Роговскому и других гражданских лиц в дела отряда. Со своей стороны он отдал распоряжение, чтобы в казарменные помещения не пускали посторонних лиц, делающих попытку поколебать среди нижних чинов авторитет военного начальства.

«Генерал Шебанов, – отмечал начальник таможенного округа, – лишил меня права через надзирателей таможни наблюдать за деятельностью казаков, разрешил давать лишь общие указания. И поэтому я не вижу никакой возможности нести ответственность за сохранение границы от контрабанды, могу считать казаков отныне не только бесполезными для таможенной службы, но совершенно вредными. В селе Листвиничном они еще будут, скольконибудь, удерживаться от своеволия присутствием их офицера, на прочих же постах, удаленных от последнего, вовсе не будут нести службу и своим примером неминуемо дурно повлияют на чинов инвалидной команды.

Прошу или отменить распоряжения генерала Шебанова и подчинить казаков таможенной линии распоряжениям надзирателей застав или не требовать казаков на таможенную службу, заменив их вольнонаемной конной стражей, с обращением на их содержание суммы, которая расходуется на казаков, 13 000 руб. в год. На эти деньги можно нанять 25 стражников, а с 25 трезвыми и дисциплинированными людьми можно вести дело гораздо успешнее» [21].

Отметим, что позиция начальника таможенного округа имела большее правовое обоснование, так как в «Положении об устройстве таможенной части» от 6 мая 1862 г. говорилось о подчинении таможенному офицеру казачьего отряда. Общее руководство борьбой с контрабандой возлагалось на генерал-губернатора Восточной Сибири.

Иркутская таможня подчинялась Департаменту внешней торговли. Согласно параграфу 17, охрана таможенной линии до образования таможенной стражи возлагалась на отряд местного казачьего войска, который был обязан не допускать провоза товаров мимо застав и таможен.

Согласно параграфу 18, казачий отряд по хозяйственной и строевой части состоял в непосредственной зависимости от военного начальства, «а в отпадении таможенной службы чины сего отряда вполне подчиняются, – го-

ворилось в инструкции, – местному таможенному начальству, в распоряжении которого они находятся. По делам, до отряда касающегося, надзиратели застав сносятся непосредственно с начальником отряда, а Иркутская таможня в потребных случаях входит в представление к генерал-губернатору» [22].

Следовательно, начальник казачьего отряда был обязан взаимодействовать с надзирателем заставы, а в некоторых вопросах подчиняться начальнику таможни. Однако разрешить вопрос об образовании таможенной стражи и освобождении от таможенной службы казаков удалось только в начале XX в.

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 8. 2. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 52–53. 3. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 54–57. 4. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 112. 5. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 131. 6. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 115–116. 7. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 121–122. 8. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 131. 9. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 38. Л. 5. 10. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 38. Л. 5–6. 11. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 70. Л. 6. 12. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–12. 13. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 92. Л. 2. 14. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 92. Л. 4. 15. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 92. Л. 5. 16. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 16. Л. 38. 17. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 197. Л. 58. 18. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 197. Л. 59–61. 19. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 197. Л. 126–127. 20. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 197. Л. 139. 21. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 197. Л. 140–143. 22. ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 136.	1. The Irkutsk Region State Archive (IRSA). Fund (F.) 153. List of contents (L.) 1. Act (A.) 2. Page (P.) 8. 2. IRSA. F. 153. L. 1. A. 2. P. 52–53. 3. IRSA. F. 153. L. 1. A. 2. P. 54–57. 4. IRSA. F. 153. L. 1. A. 2. P. 112. 5. IRSA. F. 153. L. 1. A. 2. P. 131. 6. IRSA. F. 153. L. 1. A. 2. P. 115–116. 7. IRSA. F. 153. L. 1. A. 2. P. 121–122. 8. IRSA. F. 153. L. 1. A. 2. P. 131. 9. IRSA. F. 153. L. 1. A. 38. P. 5. 10. IRSA. F. 153. L. 1. A. 38. P. 5–6. 11. IRSA. F. 153. L. 1. A. 70. P. 6. 12. IRSA. F. 153. L. 1. A. 76. P. 1–12. 13. IRSA. F. 153. L. 1. A. 92. P. 2. 14. IRSA. F. 153. L. 1. A. 92. P. 4. 15. IRSA. F. 153. L. 1. A. 92. P. 5. 16. IRSA. F. 153. L. 1. A. 16. P. 38. 17. IRSA. F. 153. L. 1. A. 197. P. 58. 18. IRSA. F. 153. L. 1. A. 197. P. 59–61. 19. IRSA. F. 153. L. 1. A. 197. P. 126–127. 20. IRSA. F. 153. L. 1. A. 197. P. 139. 21. IRSA. F. 153. L. 1. A. 197. P. 140–143. 22. IRSA. F. 153. L. 1. A. 2. P. 136.

The Irkutsk Customs and its Functioning Problems in the Second Half of the XIX-th Century

V. V. Sinichenko

East Siberian Institute of the Ministry of Home Affairs, Irkutsk

A. I. Korobchenko

Irkutsk State Transport University

The article considers the Irkutsk customs formation process from 1861. The problems of its functioning are considered, such as the Kiakhta town governor unauthorized interference in

the affairs of the Irkutsk customs that was not subordinated to him. Likewise the conflict between the customs officials and the customs line Cossacks group which didn't carry out their obligations in the customs service.

Key words: customs line, gate house, examination, smuggled goods, conflict, Cossacks, the charter.

Синиченко Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и экономики Восточно-Сибирского института МВД, г. Иркутск e-mail: vova_sinichenko@bk.ru

Sinichenko Vladimir Viktorovich – Doctor of Historical Science, Professor of the Russian History and Economics Department, East Siberian Institute of the Ministry of Home Affairs, e-mail: vova_sinichenko@bk.ru

Коробченко Андрей Иванович – старший преподаватель Иркутского государственного университета путей сообщения, e-mail: Stas-yu@mail.ru

Korobchenko Andrey Ivanovich – Senior lecturer of the Irkutsk State Transport University, e-mail: Stas-yu@mail.ru